

УДК 316.346.32-053.9

UDC 316.346.32-053.9

**СОЦИОЛОГИЯ СТАРОСТИ
И СТАРЕНИЯ: СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ****SOCIOLOGY
OF OLD AGE AND AGEING:
STATE AND PROSPECTS**

Н. И. Ролич,
*аспирант кафедры
социологии БГУ*

N. Rolich,
*postgraduate student
of the Department of sociology of BSU*

Поступила в редакцию 15.01.18.

Received on 15.01.18.

В статье рассмотрены и описаны основные тенденции в теориях, методологии, темах и терминологии, которые сопровождают процесс институционализации социологии старости и старения как специальной социологической теории на этапах ее зарождения, становления и развития.

Ключевые слова: социология старости и старения, социальная геронтология, социологические теории старости, теория освобождения, теория жизненного курса, здоровое старение, эйджизм, лонгитюдные исследования.

The article considers and describes the main trends in the theories, methodology, topics and terminology that accompany the process of institutionalization of the sociology of old age and ageing, as a special sociological theory, on the stages of its inception, formation and development.

Keywords: sociology of old age and ageing; social gerontology; sociological theories of old age; disengagement theory; life course theory; ageism; longitudinal studies.

Введение. Область современных геронтологических исследований представляет собой обширное мультидисциплинарное поле, объектом изучения которого являются люди пожилого возраста. Объект геронтологических исследований изучается через призму различных исследовательских перспектив, среди которых можно выделить три наиболее значимых подхода. Биологический, который рассматривает, как взросление влияет на изменения физиологической системы; психологический, где внимание акцентируется на личностных изменениях в процессе старения, изменении ментальных функций, соотношении понятий личность и идентичность; социально геронтологический [1, с. 10–18]. Социальная старость может быть определена, как соотношение демографических показателей, характерных для конкретного культурного или временного отрезка, с набором социальных статусов и требований, приписываемых человеку в определенном возрасте, в совокупности с его личным психологическим восприятием себя самого.

Несмотря на активный вклад медицины и биологии в борьбу с последствиями старения, очевидно, что решение геронтологических проблем не может протекать исключительно в русле медицинских интерпретаций.

Именно поэтому в западных странах активно развивается социальная геронтология, фундамент которой составляет социология старости. В первую очередь, данная теория среднего уровня фундирует и снабжает междисциплинарное поле социальной геронтологии теоретико-методологическим аппаратом исследования, которое разворачивается на разных уровнях: от микро до макросоциального анализа.

На протяжении всего периода становления социология старости сопровождается актуализацией различных проблем, выделяются определенные актуальные направления в теориях, методологии, темах и терминологии. В данной статье рассмотрены и описаны основные тенденции, которые сопровождают процесс институционализации социологии старости и старения как самостоятельной исследовательской области.

Основная часть. Первые социологические теории старости начинают появляться в работах социальных геронтологов с 50-х гг. XX в. Однако отправной точкой в институционализации социологии старости как специальной социологической теории следует считать создание в 1979 г. Секции старения и жизненного курса (SALC) при Американской социологической ассоциации [2]. Можно констатировать, что с момента основания

секции в исследовательской области произошел необычайный рост. Анализ научной литературы свидетельствует о том, что практически 40 лет назад данная исследовательская область представляла собой интеллектуальный «вакуум». Исследования старости были низведены до маргинального статуса в большинстве социальных дисциплин, включая социологию, и боролись за свою легитимность как самостоятельную область исследований.

На сегодняшний день геронтологическое поле западной социологии представляет собой стремительно развивающуюся область специальных исследований, представленную применением передовых исследовательских методов, статистических техник, широко используемых мер измерения, включая мультиуровневые модели, структурно-равнительные модели, исторический анализ и распространенные методы для измерения и анализа изменений, исследования с применением первичных и вторичных данных, включая лонгитюдные исследования.

С тех пор как социологи начали изучать старость, они полагались на набор инструментов классических и современных теорий. Кроме классических авторов, таких как Эмиль Дюркгейм, Карл Маркс, Макс Вебер, социологи, изучающие старость, также обращались к теории структурного функционализма (Талкотт Парсонс, Роберт Мертон), социологии конфликта (Ральф Дарендорф), теории социального обмена (Георг Зиммель, Джордж Хоманс, Питер Блау), символического интеракционизма (Дж. Мид, Чарльз Кули, Ирвинг Гофман), а также феноменологии и социального конструктивизма (Альфред Шютц, Питер Бергер и Томас Лукман) [3].

Стартовой точкой для развития теорий старости и старения стали теории освобождения и модернистские теории старости, появившиеся в 1960 и 1970-х гг. [4]. Ранее постулировалось, что снижение физической активности в старости и выход старых людей из социальной жизни неизбежно для обоих: индивидов и общества. В развивающихся по сей день дебатах теория освобождения становится ключевой в эволюции альтернативных теорий, таких как теория активности Р. Хэвихерста (R. J. Havighurst) [5] и теория непрерывности Р. Эчли (R. C. Atchley) [6]. Эти теории фокусируются на индивидуальном поведении, но с точки зрения социальных ожиданий и социального благосостояния. Напротив, модернистская теория

была ключевой в рассмотрении чисто социального взгляда на старость. В ней рассматривается статус пожилых людей в культуре и объясняется, как социальные изменения, ассоциирующиеся с модернизацией, обеспечивают невыгодное положение пожилых людей (например, изменения в экономике, медицинских технологиях, образовании, урбанизация).

Возрастная стратификация в пределах социологии рассматривается вскоре после этого и становится доминантным эвристическим устройством для улучшения исследований в социальных и, особенно, структурных аспектах старения.

Теоретики возрастной стратификации М. Риллей (M. W. Riley), А. Фоунер (A. Foner), Дж. Воринг (J. Waring) отмечали, что старение и жизненный курс являются социальными процессами, а возраст выступает структурной особенностью общества, где люди и роли распределяются на основе этого. Эти теоретики также отмечали динамические аспекты старения и на индивидуальном, и социальном уровнях [7]. Это значит, что новая когорта людей рождается, взрослеет и стареет вместе, а также продвигается через возрастную структуру в популяции. Эти идеи усилили потребность не только понимания уникальных характеристик определенных когорт в процессе старения, но и выявили необходимость уделять внимание разным эффектам социальных изменений на смежные когорты. Это привнесло новое понимание того, как лучше концептуализировать когорты и оценку эффектов когорт.

По мере развития теория жизненного курса строилась на двух парадигмах – персоналогической и институциональной. Персоналогическая парадигма предлагает использовать ключевые особенности раннего жизненного опыта, чтобы предсказывать последствия на поздних этапах жизни. Хотя данная парадигма часто фокусируется на индивидах, она может быть адресована к жизненному опыту всех когорт в популяции. Институциональная парадигма, напротив, акцентирует внимание не на индивидах, а анализирует жизненный курс как социальный и политический конструкт, часто содержащий более или менее четко заданные возрастные этапы, которые созданы или усилены институтами или социальной политикой. Это относится к части социальных и культурных определений реальности, в которой широко организованы человеческие жизни и их

знание о возрасте и старении. В области старения институциональная парадигма имеет сильные корни в описаниях формальных и неформальных возрастных норм и осуществляет осознание старости в современном обществе [8].

Таким образом, социальные теории старости могут быть охарактеризованы как маятник: 1) от одной «великой» теории в самом начале исследований, когда теория была богата, а эмпирических данных не доставало; 2) к последующей эре, когда данные были обширны, а теория слаба, где слишком много внимания уделялось эмпирике а не теории; 3) к эре современных исследований, которая характеризуется применением теорий среднего уровня, построенных вокруг узких тем с использованием достаточного количества эмпирических данных.

Также использование социальных теорий старости можно охарактеризовать маятником от микро- к макроисследованиям: 1) от начальной эры теорий, которые фокусировались на индивидуальных вопросах, особенно активности и жизненного курса; 2) к последующей эре, которая фокусировалась на обширных контекстуальных вопросах, например, то, как структурные условия определяют параметры старения и положения пожилых людей; 3) к эре теоретизирования сегодня, которая отмечается синтезом микро- и макроперспектив, особенно в объяснении отличий в опыте старения под влиянием социальных сил.

Начиная с 1979 г. в области социальной геронтологии происходили определенные методологические сдвиги: 1) от описательных исследований, которые выделяли в основном описание объекта исследования, к аналитическим исследованиям, объясняющим причинно-следственные связи; 2) от исследований, которые применяли качественную методологию с редким использованием количественных методов, к продвинутым количественным методам, и в итоге к мультиметодическим исследованиям; 3) от единичных, локальных исследований к панельным и лонгитюдным исследованиям; 4) от исследований, базирующихся на небольших, оригинальных данных, к преобладанию публикаций, основанных на научной кооперации ученых.

Важно упомянуть вклад в использовании лонгитюдных данных, так как этот вклад был сделан наравне с растущим интересом к жизненному курсу и определению потреб-

ности в понимании старения как длительного процесса [9]. Хотя лонгитюдные данные позволяют совершать новый вид анализа, они также требуют новых разновидностей методов, и этот временной период обращает пристальное внимание к методам.

Анализ научных источников позволяет обнаружить изменения не только в актуализации тех или иных тем, но и в использовании научной терминологии. Некоторые темы и термины, которые были довольно популярны в ранние периоды, исчезают, некоторые сохраняются, но большинство появляются и оформляются за последние четыре десятилетия.

Во-первых, более не используются термины, которые были распространенной частью лексикона западных авторов в начале этого периода – термины, которые сегодня можно признать исчезнувшими. Многие из этих терминов характеризуют современную склонность академической среды к отрицанию или игнорированию возраста: такие определения, как «возрастной», «старший», «старые люди», «старость», часто использовались в статьях раннего периода и практически отсутствуют сегодня, хотя продолжают использоваться политиками и СМИ. Их отсутствие связано с фактом, что утверждение о «старых» и «старших» гомогенизирует большие группы людей, которые, возможно, больше отличаются друг от друга, чем сходны между собой. Возрастающее табуирование таких тем в академической литературе еще раз напоминает, что определения возраста, в данном случае старости, и вещей, ассоциирующихся с ней, социально конструируются.

Некоторые темы, которые были популярны в начале исследовательского периода, постепенно исчезают. Свидетельством этому служит редкое упоминание в последнее время таких терминов, как «межстадиальная миграция», «жестокое обращение со старшими», «суицид среди пожилых», «дома престарелых», «возрастные организации», «жертвы насилия» и «групповое сознание старости». Эти темы отражают сильный акцент социологов на социальных проблемах старости в начале исследовательского периода, что сейчас воспринимается с меньшим вниманием по сравнению с возросшим интересом к «позитивному старению».

Во-вторых, многие темы уже были постоянными и стали более значимыми, особенно те, которые относятся к здоровью, семье

и выходе на пенсию. Наиболее типичный пример – это вспышка интереса к успешной старости за этот период времени. Обсуждение «успешной старости» включает ссылки на «оптимальное», «продуктивное», «витальное», «проактивное», «крепкое», «здоровое» старение.

В-третьих, это терминология, которая характерна для современных исследований, но которая отсутствовала в первые годы рассматриваемого периода. Такие термины, как «старый человек», «старость» и «старик», были намеренно вытеснены, чтобы избежать смысла «старый». В борьбе с «эйд-жизмом», таким образом, поле геронтологии иронично стало более нестарееющим. Западные социологи говорят о «взрослых людях» и «поздней жизни».

Эти направления также делают очевидным факт, что возрастные и антивозрастные индустрии превратились в огромные бизнесы. Старость и беспокойство о старости требует создания новых институтов (жилые постройки, оказывающие полный спектр услуг; образовательные учреждения, обеспечивающие потребность в непрерывном образовании), а также сервисов и продуктов, которые можно приобрести в магазине. Маркетинг и потребление этих институтов, сервисов и продуктов также вызвали волну новых нормативных проблем.

В фокусе внимания находятся темы, связанные с заботой о старших. Отсюда рост исследований о заботе за пожилыми, начиная с поздних 80-х и на протяжении 90-х, где возросла роль экстенсивного языка «социальной поддержки», особенно, чтобы отразить последствия от бремени осуществления ухода за пожилыми людьми – «нагрузки на ухаживающих».

Можно отметить интерес к изучению межпоколенных отношений. Индикатор интереса к исследованию межпоколенных отношений, особенно между пожилыми людьми и их детьми среднего возраста или между пожилыми людьми и их внуками. Возрос также интерес к измерениям характеристик семейных взаимоотношений, например, многие виды «солидарности» и «конфликтов».

Сохраняется устойчивость к изучению тем здоровья и инвалидности. Часто встречается терминология «при сохранении здоровья», «здоровая старость» и «ожидания здоровой жизни», «ежедневная активность», «функциональный статус». Это свидетель-

ство беспокойства о широком разнообразии специфических условий инвалидности и болезней.

Появилась терминология социальных технологий. С развитием технологий возникла новая надежда «строительства условий» и использования технологий, чтобы помочь людям «стареть на месте», концепция, которая вводится как противопоставление дома престарелым.

Продолжается активное изучение проблем жизненного курса. С возрастающим значением перспектив жизненного курса большое внимание уделяется «тропинкам», «траекториям», «прошлой жизни», «обстоятельствам», «историям», «связанным жизнями», «времени», «динамике» и «человеческому фактору». Внимание к человеческому фактору также затрагивает варианты, связанные с социально-психологическими концепциями, такие как «самоэффективность», «самоопределение», «локус контроля», «внимательность», «мастерство», «автономия».

Происходит активное расширение методологической практики. С совершенствованием методологии зарождаются и новые языковые структуры, которые отражают существующие стратегии: «мультиуровневое моделирование», «структурно уравнивающее моделирование», «лонгитюдные методы», «кривые роста», «латентные классы», анализ «жизненных историй» и «событийный анализ».

Появляются темы, связанные с гетерогенностью. Разнообразие стало частью научных исследований начиная с 1980-х гг. На протяжении 1990-х гг. появилось много терминов, которые отражают такие обязательства, как «возрастная гетерогенность».

Необходимо обозначить появление гендерной терминологии в исследовательском проблемном поле. Наравне с возросшим вниманием к «гетерогенности» фокусирование также произошло на женщинах – «феминизация» поздней жизни, «поколение сэндвич», которые являются одновременно заботящимися о родителях и детях, и женщины как зрители за семейными взаимоотношениями и традициями.

Используется терминология неравенства для объяснения различий между пожилыми людьми, что обеспечивает более близкое рассмотрение социального неравенства. Здесь особое внимание уделяется теориям «накопленных преимуществ и недостатков» на протяжении жизненного курса, «бедно-

стью», «на пороге бедности» и «недостаточно обслуживаемых» пожилых людей. Широко распространяются темы о «неравенстве в здоровье» между разными группами пожилых людей и подогреваемыми спорами о межпоколенной справедливости между пожилыми и молодыми людьми.

Заключение. Таким образом, становится очевидной широта предметного геронтологического поля, которое располагается на трех уровнях анализа: начиная от индивидуальных особенностей личности до социальных структурных характеристик. Актуализация тех или иных проблем в культурно-исторической перспективе требует не просто научного вмешательства, а реального понимания особенностей протекания указанных процессов и поисков решения существующих проблем. Если почти за 40 лет своего существования социология старости в западной традиции сделала внушительный скачок и достигла определенных успехов, то в отечественной традиции сама геронтологическая наука продолжает возрастную стигматизацию людей пожилого возраста, инкапсулирует представления общества и индивидов о самих себе как нуждающихся в поддержке и защите, а также гомонегизирует старшую возрастную группу. Состояние геронтологии, где преобладают технологические методы решения проблем пожилых людей, происходит медиализация процессов старения, преобладают стереотипные представления об объекте исследования, с одновременным

существованием нерешенных вопросов, не только медицинского, но и социального характера, является вызовом к институционализации специальной социологической теории. Институционализация социологии старости в отечественной науке должна протекать: 1) с учетом накопленного опыта западных коллег; 2) учитывать социально-культурный контекст, формирующий уникальное предметное поле исследований; 3) ставить перед собой актуальные современной реальности задачи; 4) использовать актуальные теоретико-методологические основания в решении исследовательских задач.

Основными задачами, которые ставит перед собой социология старости как специальная социологическая теория, должны стать: 1) описание и анализ геронтологических проблем с помощью теоретической исследовательской рамки, берущей истоки в социально геронтологических теориях; 2) изучение геронтологических проблем с применением методов социологических исследований: от качественных, через количественные, к применению мультидисциплинарных моделей исследования; 3) категоризация основных понятий геронтологического предметного поля; 4) выявление актуальных проблем на микро- и макроуровнях анализа и поиск путей их решения; 5) освобождение объекта исследования от стереотипных суждений и представлений, а также медицинской стигматизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Victor, C.* The social context of ageing / C. Victor. – New York, 2015. – 318 p.
2. Handbook of theories of aging/ V.L. Bengtson [et al.]; edit by V.L. Bengtson. – New York : Springer Publishing Company, 1999. – 516 p.
3. *Bengtson, V. L.* Theory, Explanation and a Third Generation of Theoretical Development in Social Gerontology / V. L. Bengtson // The Journal of Gerontology and Social Sciences. – 1997. – P. 72–88.
4. *Cumming, E.* Growing Old: The Process of Disengagement / E. Cumming, W. Henry. – N. Y. : Basic Books, 1961. – 293 p.
5. *Havighurst, R. J.* Disengagement and Patterns of Aging / R. J. Havighurst, B. Neugarten, S. S. Tobin; edit by B. Neugarten // Middle Age and Aging: A Reader in Social Psychology. – Chicago, IL : University of Chicago Press, 1968. – P. 161–172.
6. *Atchley, R. C.* A Continuity Theory of Normal Aging / R. C. Atchley // The Gerontologist. – 1989. – Vol. 29. – P. 183–190.

REFERENCES

1. *Victor, C.* The social context of ageing / C. Victor. – New York, 2015. – 318 p.
2. Handbook of theories of aging/ V. L. Bengtson [et al.]; edit by V. L. Bengtson. – New York : Springer Publishing Company, 1999. – 516 p.
3. *Bengtson, V. L.* Theory, Explanation and a Third Generation of Theoretical Development in Social Gerontology / V. L. Bengtson // The Journal of Gerontology and Social Sciences. – 1997. – P. 72–88.
4. *Cumming, E.* Growing Old: The Process of Disengagement / E. Cumming, W. Henry. – N. Y. : Basic Books, 1961. – 293 p.
5. *Havighurst, R. J.* Disengagement and Patterns of Aging / R. J. Havighurst, B. Neugarten, S. S. Tobin; edit by B. Neugarten // Middle Age and Aging: A Reader in Social Psychology. – Chicago, IL : University of Chicago Press, 1968. – P. 161–172.
6. *Atchley, R. C.* A Continuity Theory of Normal Aging / R. C. Atchley // The Gerontologist. – 1989. – Vol. 29. – P. 183–190.

-
7. *Riley, M. W. Aging and Society / M. W. Riley, M. Johnson, A. Foner. – Vol. 3 : A Sociology of Age Stratification. – N. Y. : Russell Sage, 1972.*
 8. *Settersten, R. S. Trends in the sociology of aging: thirty year observations/ R. S. Settersten, Jr. and J.L. Angel // Handbook of sociology of aging. – Corvallis, 2011. – Chapter 1. – P. 3-13.*
 9. *Data resource profile: The Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe (SHARE) / C. Hunkler [et al.] // International Journal of Episteiology. – 2013. – 10 p.*
7. *Riley, M. W. Aging and Society / M. W. Riley, M. Johnson, A. Foner. – Vol. 3 : A Sociology of Age Stratification. – N. Y. : Russell Sage, 1972.*
 8. *Settersten, R. S. Trends in the sociology of aging: thirty year observations/ R. S. Settersten, Jr. and J.L. Angel // Handbook of sociology of aging. – Corvallis, 2011. – Chapter 1. – P. 3-13.*
 9. *Data resource profile: The Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe (SHARE) / C. Hunkler [et al.] // International Journal of Episteiology. – 2013. – 10 p.*